

Глава 17

Берегись своей жены

Мужчина посмотрел в глаза Дуань Аньло — пронзительные, казалось, видящие его насквозь. По спине пробежал холодок, в горле пересохло, и он, нервно сглотнув, не нашёлся что ответить.

Такая реакция не оставляла сомнений — что-то здесь нечисто.

Мать и дочь тоже всё поняли. Особенно Тянь Сючжэнь — она смотрела на мужа взглядом, в котором полыхал огонь.

Последние полгода он часто не ночевал дома, зарплату не приносил. Она, в её-то возрасте, и подумать не могла, что он заведёт кого-то на стороне.

Судя по его реакции, этот старый пёс и впрямь ей изменял.

Тянь Сючжэнь молниеносно выхватила у мужа телефон. Увидев историю переписки и переводов, она почувствовала, как в голове зазвенело. Эта собака переводила деньги любовнице!

Пролистав переписку, она обнаружила, что это был далеко не первый перевод. Этот старый хрыч содержит чужого ребёнка!

Ах ты, старый козёл, чтоб тебе пусто было!

Ярость ударила Тянь Сючжэнь в голову. Её дочь уже на выданье, а он посмел изменить! Она не боялась позора, но её дети! Что, если люди узнают, что у них отец-изменник, будут за спиной пальцем показывать? От одной этой мысли она готова была на стену лезть.

Тянь Сючжэнь с юности была женщиной боевой. В свои пятьдесят с лишним она как раз вошла в пору, когда плечи становятся шире, а ладони тяжелее. Она с размаху влепила мужу пощёчину. Ли Ин даже не успела её остановить.

Когда женщина отвела душу, Дуань Аньло указал на табличку с расценками.

— Ещё двести за вашего отца.

Разбогател и тут же предал жену, разделившую с ним все тяготы, — такой подонок большего и не стоит. Удачи ему впредь не видать.

Ли Ин поспешно перевела пятьсот юаней. Она была в полной растерянности, её мир рухнул.

Избив мужа, Тянь Сючжэнь достала из сумки пачку наличных и, не считая, сунула их Дуань Аньло.

— Даос, спасибо вам огромное. Если бы не вы, я бы и не узнала, что эта собака столько денег тайком перевела. Не побрезгуйте, это вам на благовония для предков-основателей.

Дуань Аньло наощупь прикинул толщину пачки и довольно кивнул.

— Юань'эр, дай ей наши контакты. Через два месяца, если у её сына будут трудности, пусть обращается.

Тянь Сючжэнь с благодарностью взяла визитку, но мыслями была уже далеко. Она не расслышала скрытого смысла в словах Дуань Аньло и потащила мужа прочь.

— Он ещё не сказал спасибо, — остановил их Дуань Аньло, указывая на мужчину с разбитым в кровь носом.

Это гадание было его инициативой, а тот даже не поблагодарил. Безнравственный и невежливый. Мусор!

— Я тебе семью разрушил, а ты хочешь, чтобы я спасибо сказал?! — взревел мужчина, едва не задохнувшись от ярости.

Дуань Аньло молча начертал в воздухе руну. Мало того что безнравственный, так ещё и ругается. Он проклял его на год язв во рту и месяц немоты.

— Ты, сопляк смазливый, ты... гба-гба, ава-ава...

Дуань Аньло застыл в изумлении. Неужели так быстро подействовало? Раньше его проклятия не срабатывали с такой скоростью.

Взглянув на руну, он увидел, что та покрылась слоем тёмной энергии. Сердце ёкнуло. Кажется, он понял, что это за энергия. Убить бога демонов было не так-то просто.

Зеваки, наблюдавшие за сценой, поняли, что Дуань Аньло — настоящий мастер, и тут же обступили его.

— Мастер, погадайте мне! Когда я буду жить в особняке, ездить на спорткаре и женюсь на красавице-богачке?

— Мастер, у меня завтра собеседование, можете наложить на меня бафф на удачу?

— Мастер, а можете проклясть козла, который меня предал? Чтобы он всю оставшуюся жизнь хромал, а жена ему изменяла.

Друзья вытолкнули вперёд молодого парня.

— Мастер, погадайте ему.

Дуань Аньло на время отложил свои тревоги. Помолчав мгновение, он выдал ошеломляющую новость:

— Ты не родной сын своего отца.

Парень замер, а потом криво усмехнулся.

— Да не может быть.

— Точно! — возмутился его друг. — Я же говорил, что твои родители какие-то странные! Разве родные родители так поступают...

Другой, более спокойный, прервал его:

— Мастер, погадайте ему, пожалуйста. На семью, на работу, на любовь, на что угодно.

Он хотел заплатить, но Дуань Аньло прикрыл QR-код рукой.

— Пусть платит сам. Это его судьба, посторонним не стоит вмешиваться. Если сейчас нет денег, не страшно, — он многозначительно добавил: — Если суждено, мы ещё встретимся.

Парни удивились, насколько принципиальным и в то же время невозмутимым был этот мастер. Но больше всего их поразило, откуда он узнал, что у их друга сейчас нет денег.

— Покажи мне фотографии твоей семьи, — спокойно попросил Дуань Аньло.

— Вы серьёзно? — смутился парень.

— Ты ведь и сам давно это чувствуешь, не так ли? — прямо посмотрел на него Дуань Аньло.

Парня звали Тан Чжэнсюй, он был из столицы. Из-за семейных неурядиц настроение у него было паршивое, и друзья, получив зарплату, решили свозить его развеяться.

Поддавшись на уговоры, Тан Чжэнсюй после недолгого колебания показал Дуань Аньло единственную семейную фотографию в телефоне.

Впрочем, Дуань Аньло и без фото мог видеть многое — и прошлое, и будущее. Ему нужен был лишь проводник. Фотография позволяла ткнуть пальцем и выдать всю правду в лицо.

— Этот подлец, — Дуань Аньло ткнул пальцем в фотографию, — по судьбе своей должен был остаться без родных и близких. Но благодаря смазливой мордашке и подвешенному языку ему удалось пристроиться в дом к богатой невесте.

Тан Чжэнсюй молчал. Его отец действительно женился на богатой наследнице. Мать умерла при родах, и отец, хоть и женился снова, настоял, чтобы сын носил фамилию матери, якобы в память о ней. Но Тан Чжэнсюй видел, что отец нисколько по ней не скучает, он даже не помнил день её смерти.

— Он изменял жене, пока та была беременна, довёл её до того, что она умерла вместе с нерождённым ребёнком. Чтобы завладеть её состоянием, он купил на стороне ребёнка и выдал за их общего, дав ему фамилию матери. Этот ребёнок — ты.

Тан Чжэнсюй не мог в это поверить, но и возразить было нечего. Он и вправду не был похож на отца, а со сводным братом у них и вовсе не было ничего общего.

— Они плохо с тобой обращались. Ты ведь уже три года не был дома.

Тан Чжэнсюй горько усмехнулся. Плохо — не то слово. В доме к нему относились хуже, чем к собаке, которую завела мачеха.

Дуань Аньло указал на женщину на фото.

— А эта дрянь в тринадцать лет осталась сиротой. Тётка из жалости взяла её к себе, кормила, одевала, учила, любила как родную дочь, порой даже больше, чем своих детей. А она отплатила тем, что соблазнила её мужа, заставила тётку развестись, отсудила половину состояния и два года жила в своё удовольствие. А потом стала любовницей твоего отца. Тот твой брат — он то ли от её дяди, то ли ещё от кого, она и сама не знает. Что до твоего отца, то по судьбе у него должен был быть сын, да только он его собственными руками стубил. Вы оба — не его дети.

После короткого молчания друзья Тан Чжэнсюя взорвались гневом.

— Так я и знал! Разве так обращаются с родным сыном? В полицию! Заяви в полицию! Если это правда, тебе больше не придётся мучиться в этом доме!

— В любом случае отношения у вас хуже некуда, так что терять нечего, — поддержал его второй друг. — А вдруг мастер прав?

— Тот, кто действительно любит тебя, всё ещё ищет, — видя молчание Тан Чжэнсюя, напомнил Дуань Аньло. — У неё седая голова в сорок с небольшим, и её здоровье на исходе.

Тан Чжэнсюй вздрогнул и низко поклонился Дуань Аньло.

— У меня сейчас нет денег, но если нам доведётся встретиться снова, я щедро вас отблагодарю!

— Не нужно, — махнул рукой Дуань Аньло и улыбнулся. — Кажется, мы с тобой дальние родственники. Сейчас в твоей судьбе наступил переломный момент, я не всё могу разглядеть. Возьми эти деньги и купи себе конфет. Считаю, это подарок от двоюродного деда.

— А? — опешил Тан Чжэнсюй.

Дуань Аньло жестом велел ему идти. Он и сам не знал подробностей своего происхождения, а у изначального владельца тела не осталось никаких воспоминаний. Просто при виде этого парня в его голове промелькнул смутный образ. Что будет дальше — покажет время.

Когда троица ушла, Дуань Аньло огляделся и окликнул проходившего мимо молодого человека:

— Эй, парень в чёрном, не хочешь погадать?

Цуй Ян удивлённо обернулся.

— Я? Нет, спасибо, у меня всё в порядке.

Дуань Аньло посмотрел на его лицо, и его взгляд посуровел.

— Юань'эр, дай ему визитку.

Он коснулся карточки пальцем.

— Носи с собой, спасёт тебе жизнь. И ещё... берегись своей жены.

— Псих, что ли? — раздражённо бросил тот и швырнул визитку на землю.

— Когда снова придёшь, — усмехнулся Дуань Аньло, — возьму с тебя зарплату за полгода.

«С чего бы мне к тебе приходиться? — подумал Цуй Ян. — Знает он, сколько я зарабатываю? Захотел сорвать куш за полгода. С ума сошёл».

Он развернулся и ушёл.

Цзян Юань подобрал визитку и увидел, что капля духовной энергии, оставленная Дуань Аньло, почернела после прикосновения Цуй Яна.

— Прадед-основатель, смотрите.

Дуань Аньло жестом велел ему выбросить её. Испортилась.

Едва Цуй Ян открыл дверь, как его окутал густой аромат домашней еды — словно тёплое, нежное одеяло, он укутал уставшее тело.

Жена как раз выносила из кухни последнее блюдо. Она сняла крышку с глиняного горшочка, и молочно-белый бульон, испуская пар, наполнил столовую дивным ароматом.

— Вернулся? Мой руки и садись ужинать, — её голос был мягким, а улыбка лучилась почти нарочитой нежностью.

На столе уже стояли блюда: блестящие, аппетитные свиные рёбрышки в соусе, хрустящие, ярко-зелёные овощи и, главное, рыбный суп — густой, молочно-белый, с тонкими ломтиками имбиря и пёрышками зелёного лука. Один его вид пробуждал зверский аппетит.

— Твоё мастерство растёт с каждым днём, — искренне похвалил Цуй Ян, садясь за стол. Усталость как рукой сняло. За последний месяц его жена стала готовить так, что он её не узнавал.

Жена ничего не ответила, лишь взяла его миску и налила полную, до самых краёв, ложку супа.

— Тебе нравится, вот я и стараюсь.

Она осторожно поставила миску перед ним, её горящие глаза не отрывались от него, словно она любовалась драгоценным сокровищем.

— Пей больше супа, он очень полезен.

Цуй Ян и впрямь был голоден. Он с жадностью набросился на еду.

Рёбрышки были нежными, мясо само отходило от костей, овощи приятно хрустели, а суп был просто божественным. Один глоток — и тепло разлилось по всему телу, до кончиков пальцев.

Слишком вкусно. Так вкусно, что он ощутил почти животный голод. Желудок был уже наполовину полон, а он не мог остановиться.

— Вкусно... очень вкусно... — бормотал он.

Только наевшись до отвала, он вдруг вспомнил:

— А где дети?

В доме было непривычно тихо. Старший сын, первоклассник, обычно делал уроки так, что стены дрожали. Младшая, полугодовалая дочка, начинала плакать, стоило матери отойти на шаг.

Сегодняшняя тишина была неестественной.

— Младшая спит, — жена по-прежнему улыбалась, и её улыбка казалась выверенной до миллиметра. — Старший давно поел и делает уроки у себя в комнате. Они сегодня паиньки.

Он с облегчением кивнул. Дети становятся всё послушнее, жена прекрасно их воспитывает.

Его внимание снова переключилось на еду. Как же вкусно. Он жевал, и чем больше ел, тем сильнее становились жажда и голод. Странное, порочное кольцо.

Казалось, внутри у него бездонная пропасть, и сколько бы он ни ел, она оставалась пустой.

Он мог есть ещё. Очень много.

Жена, угадав его желание, положила ему в миску большой кусок рёбрышка.

— Ешь, ешь.

Её голос был тихим, как вздох. Она посмотрела на его рубашку, обвисшую на плечах.

— Ты в последнее время так похудел.

Эти слова, словно иголка, кольнули Цуй Яна в самое сердце. Похудел?

Он невольно коснулся щеки. Кажется, и вправду немного сбавил в весе.

И дело было не только в весе. В последнее время он чувствовал себя ужасно уставшим. Днём в офисе веки наливались свинцом, а буквы в отчётах расплывались перед глазами, вызывая головокружение.

Сил не было ни на что.

И его характер... Раньше он был душой компании, а теперь любая мелочь выводила его из себя. Он стал как сухой порох — вспыхивал от малейшей искры. Коллеги стали его сторониться.

«Наверное, это из-за нового проекта, — подумал он. — Слишком много стресса. Вот закончу, возьму отпуск, отдохну как следует, свожу семью в путешествие».

Жена сидела напротив и неторопливо ела рис. Её движения были изящны и полны достоинства.

Мягкий свет падал на её лицо: искусно подведённые брови, нежный румянец, пухлые, накрашенные губы. Она была ослепительно красива.

Цуй Ян перестал есть и засмотрелся на неё. Она изменилась. Когда?

Женщина, которую он помнил, — вечно спешащая, без макияжа, неуклюжая на кухне, срывающаяся на крик, когда помогала сыну с уроками, — когда она успела стать такой нежной и утончённой?

И этот макияж... Раньше она была так занята, что едва успевала умыться, и в её глазах всегда читалась усталость.

А теперь, даже дома, она была при полном параде.

Тональный крем, румяна, помада... Словно искусно нарисованная маска.

Маска?

Эта мысль обожгла виски острой болью, будто в голову вонзили раскалённый гвоздь. Он ахнул, едва не выронив палочки.

Что-то было не так. Но что?

— С-с-с... — он схватился за голову. Стоило задуматься, как боль становилась невыносимой.

— Что случилось? — тут же откликнулась жена. Она отставила свою миску, снова взяла половник и налила ему ещё супа. — Выпей ещё немного.

Пар от супа поднялся, окутывая его лицо, и навязчивый, дурманящий аромат прервал едва зародившуюся мысль.

<http://bllate.org/book/13676/1211744>